

© 2023

Юлия Большакова

кандидат политических наук, доктор философии (Phd), профессор РАЕН, эксперт лаборатории развития высшего образования РАО (Российской академии образования)

(г. Москва, Россия)

(e-mail: academy.prof.com@gmail.com)

Сергей Большаков

доктор политических наук, профессор, ГАОУ ВО «Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина»

(г. Санкт-Петербург, Россия)

(e-mail: snbolshakov@mail.ru)

ПРОБЛЕМЫ И ПРОЦЕССЫ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

В статье раскрывается проблематика и анализируется взаимодействие и взаимовлияние процессов политического популизма и экономической интеграции в современных условиях; подчеркиваются нарастающий успех популизма и его влияние на СМИ. Отмечается, что в странах Европы в процессе избирательных кампаний политические партии правого спектра все чаще используют призывы к обособлению и дезинтеграции единого европейского социально-экономического пространства. Делается вывод о влиянии факторов цифровизации отраслей экономики на ее структурную перестройку и на рынок труда.

Ключевые слова: экономика, популизм, экономическая интеграция, глобализация, политическая мобилизация.

DOI: 10.31857/S020736760024667-2

Международная экономическая интеграция не только способствует обмену товарами и услугами, но и стимулирует трудовую миграцию, которая увеличивает культурное разнообразие внутри регионов и стран. Экономическая интеграция способствует распространению социальных и культурных норм и ценностей. Особенности экономической интеграции, разнородность развития регионов особенно актуальна для развития институтов Европейского Союза. Расширение единого рынка ЕС устранило торговые барьеры и облегчило свободу передвижения товаров и услуг. Экономическое развитие идет рука об руку с обязательствами государств-членов придерживаться социальных, экологических и демократических стандартов, включая защиту групп меньшинств и антидискриминационное законодательство. Как пишут Гуизо, Херерро, Морелли и др., это приводит к институциональным корректировкам национальной экономики, но может также способствовать возникновению у граждан стран ЕС опасений по поводу утраты своей национальной идентичности [23]. Хотя вопросы идентичности могут иметь второстепенное значение в период активного

экономического роста, они могут сделать людей более восприимчивыми к популистской риторике, когда они сталкиваются с экономическими трудностями [23]. В процессе политических выборных компаний популистские инструменты воздействия на общество связывают экономические события с социальными, что усложняет попытки выявить главные факторы в решении гражданина поддержать популистские партии и кандидатов. В любом случае, политика, направленная на устранение экономических причин популизма, может помочь смягчить, но не устранить «популистскую реакцию» общества на глобализацию.

Большинство исследований, в т.ч. известных экономистов Гуриева и Папаиоанну, посвящены экономическим причинам успешности популизма и сосредоточены на анализе факторов, стимулирующих потребительский спрос. В частности, интенсивно изучается влияние глобализации и технологических изменений на поддержку популистских партий и кандидатов [24]. В этих условиях голоса избирателей рассматриваются как проявление политических предпочтений в пользу протекционистской политики, выходящей за рамки мейнстрима.

Неравенство, вызванное экономическими причинами, увеличивает избирательный потенциал политической партии, убедительно обещающей защиту от негативных последствий структурных изменений экономики. Популистским партиям, особенно с правой периферии политического спектра, удастся задействовать электоральный потенциал общества, им может быть присущ «популистский способ» ведения политических кампаний и мобилизации политической поддержки [3]. Электоральный потенциал правых или экстремистских партий, по большому счету, является подмножеством электорального потенциала популистских партий, причем и тот и другой может быть снижен посредством эффективной экономической политики. При обсуждении стороны предложения, т.е. политики, направленной на борьбу с популистским способом проведения избирательных кампаний, важно организованное продвижение экономического медиадискурса.

Это приводит к исследовательской дискуссии: почему экономические исследования вообще должны заниматься политикой противодействия популизму [1]. Действительно, рост правого популизма лишь подтверждает эффективность демократических институтов. Если растущее число избирателей недовольны политическими программами существующих партий, можно ожидать выхода на политическую арену новых партий, которые удовлетворят требования недовольных избирателей. Соответственно, усиление электоральной поддержки популистских партий часто сопровождается ростом явки на выборах, то есть популистским партиям удастся мобилизовать избирателей на участие в выборах, чтобы выразить несогласие напрямую у избирательной урны [23]. Таким образом, уменьшение поддержки популистов может представлять стратегический интерес для других партий, но противодействие популизму само по себе

не обязательно является целью политики, направленной на максимизацию благосостояния общества. В этом отношении экономическая политика, смягчающая неблагоприятные последствия экономических потрясений и уменьшающая возникшее в результате неравенство, уменьшает поддержку популистов как побочный эффект. Чем более выгодной людям представляется глобализация, тем меньше вероятность того, что они будут ей противостоять.

Как пишут Краузе, Абоухади, Бусере и Ван Велден, популизм не является чисто маргинальным явлением [1, 9]. Популистский способ проведения политической агитации, игнорирующей очевидные факты, основан на новых коммуникативных технологиях и стал мейнстримом избирательных процессов. Ведущие политики ЕС и правительства распространяют дезинформацию только для того, чтобы повысить свою популярность, и это подрывает основу для публичных дебатов о социально значимых направлениях политики. В этом плане противодействие популизму необходимо для повышения уровня информированности «среднего» избирателя [6]. Политическая коммуникация должна приспособливаться к популистской агитации, чтобы избиратели могли принимать обоснованные решения на основе экономических фактов и данных. В противном случае, будет все труднее добиваться согласия избирателей даже на политику реального повышения благосостояния.

Недавние исследования Родрика [32], Фетцера [18] об экономических причинах популизма сосредоточены на растущей поддержке популистских партий и кандидатов в Европе и США. Естественно, что результаты исследования, в основном, фиксируют рост общественных настроений правого популизма, который доминирует в странах ЕС. Исследования показывают, что макроэкономические изменения, по большей части направленные на подъем совокупного благосостояния общества, приводят к структурным переменам в экономике, увеличивая неравенство как между регионами, так и между отдельными гражданами [25]. В то время как одни группы населения и регионы выигрывают от экономических изменений, другие проигрывают в относительном, а иногда и в абсолютном выражении. Те социальные группы общества, на кого глобальные экономические процессы оказывают негативное влияние, обращаются за поддержкой к популистским партиям, которые предлагают националистическую альтернативу господствующей политике, направленной на усиление международной интеграции. Мууд пишет, что популисты обещают сформировать политику на основе заботы о потребностях «обычных» людей в данной стране, а не об интересах элитарного, интернационалистского меньшинства [29].

На данный момент в литературе определены четыре основных экономических фактора политического популизма: финансовая глобализация (с упором на политические последствия финансовых кризисов, например, исследования Функе [20], Воте [33]; Гонгоси и Вернера [25], Алквиста [2]); международная торговля (с акцентом на последствия усиления конкуренции импорта из стран

с низкой заработной платой, особенно Китая, например, исследования Дипеля [14], Малгойреса [27], Бароне и Крейтера [6]); технологические изменения (с акцентом на влияние автоматизации и цифровизации, например Анели [5], Фрея [19] и др.), и международная миграция (с особым вниманием к последствиям «европейского кризиса беженцев» — об этом писали, например, Дустман [16], Динас [13] и др.

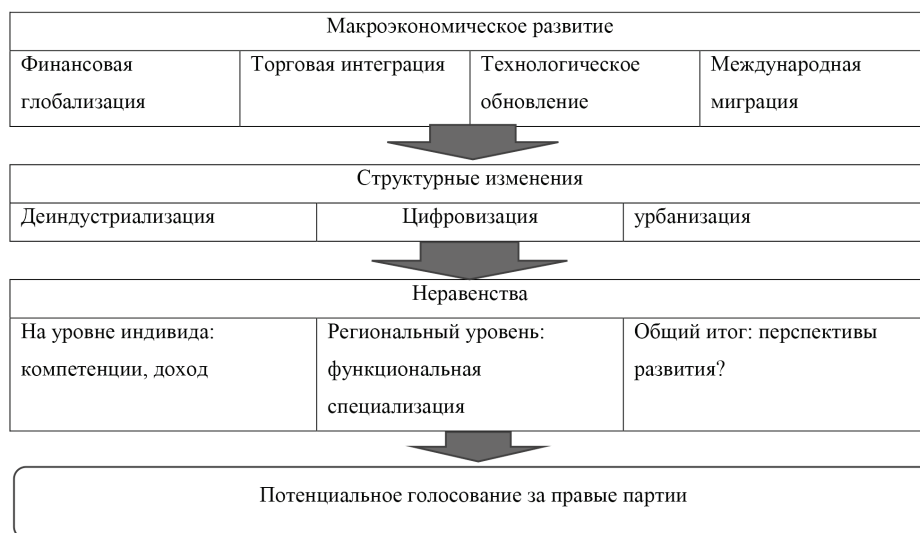

Рис. 1. Экономические причины популизма.

Источник: разработано авторами.

В большинстве научных работ делается попытка выделить последствия отдельных экономических потрясений для политической системы. Взаимосвязь между этими событиями необходимо учитывать: например, влияние фактора международной торговой интеграции подразумевает финансовую глобализацию для последующего финансирования международного обмена товарами и услугами. Технический прогресс способствует международной торговле; отрасли, теряющие рыночные преимущества по сравнению со странами с низкой заработной платой, могут инвестировать в автоматизацию, чтобы выдержать давление международной конкуренции. Все это способствует международной миграции. Таким образом, данные факторы глобализации повышают благосостояние ведущих стран. А популистское обещание снизить интенсивность международного экономического обмена, снизить давление факторов цифровизации и технологического прогресса на рынок труда, сократить миграцию, по мнению ряда авторов, не может быть социально оптимальным решением [4, 8]. Процессы приспособления к экономическому развитию могут привести к неблагоприятным социально-экономическим и политическим последствиям, но

нивелирование неравенства, возникающего в результате структурных изменений, может уменьшить поддержку популистских партий и кандидатов [30]. В промышленно развитых странах глобализация привела к упадку производственного сектора, при высоких темпах роста сектора услуг. Технологии экономики труда помогли многим странам решить задачи конкуренции за низкую заработную плату со стороны стран с развивающейся экономикой, а также повысить качество производства и связанных с ним рабочих мест. Данные события ускорили тенденцию урбанизации, поскольку новые рабочие места активно создавались в городских агломерациях, а не в отдаленных районах, специализирующихся на производственной деятельности с низким уровнем переработки. Данное явление не является чем-то новым. Начиная с промышленной революции, структурные изменения экономики представляют собой непрерывный процесс, в ходе которого новые отрасли экономики растут за счет других. С одной стороны, это вызывает социальную нестабильность, с другой — в конечном итоге, может привести к созданию более безопасных и высокооплачиваемых рабочих мест, которые улучшат баланс домохозяйств между работой и личной жизнью.

Однако глобализация и цифровизация не только увеличили скорость структурных изменений экономики, но и создали препятствия для отраслевой мобильности. Исторически сложилось так, что рабочие, потерявшие работу, например, в сокращающейся отрасли вагоностроения, могли бы найти аналогичную работу в зарождающейся автомобильной промышленности довольно легко. Сегодня работникам сборочного конвейера в электронной промышленности гораздо труднее извлечь выгоду из расширения отдела исследований и разработок технологической компании, когда производство перемещается за границу.

Из экономической теории достаточно хорошо известно об издержках адаптации к структурным изменениям экономики, теория полагается на секторальную мобильность для разрешения основного конфликта в долгосрочной перспективе. Упадок неэффективных, непродуктивных отраслей становится меньшей проблемой, когда занятые находят новые рабочие места в растущих секторах. Аналогично региональная мобильность может выступать в качестве механизма для уравнивания экономических потрясений, если люди переезжают с местных рынков труда, находящихся в бедственном положении, в быстро развивающиеся агломерации. К сожалению, мобильность оказалась гораздо ниже ожидаемой. Многие люди сталкиваются с издержками переезда из родного региона, которые не учитываются экономическими моделями. Жизнь в знакомой людям социальной среде дает нематериальные выгоды, которые нелегко компенсировать более высокой заработной платой, получаемой в отдаленных регионах [7]. Это не означает, что усиление региональной

мобильности не могло помочь смягчить неблагоприятные последствия экономических потрясений и связанной с ними политической реакции. Однако следует признать, что мобильность ограничивается неэкономическими факторами.

Отраслевая мобильность сопряжена со значительно большими сложностями, чем это обычно предполагается в экономической теории. Профессиональные навыки, необходимые в развивающихся отраслях экономики, не всегда соответствуют навыкам, полученным в иных отраслях. Таким образом, даже если уволенные работники находят новую работу в другом секторе экономики, им часто приходится утрачивать значительную часть своей прежней надбавки за квалификацию. Межотраслевое несоответствие профессиональных навыков объясняет нехватку квалифицированных рабочих в некоторых секторах экономики, хотя на рынке труда по-прежнему имеется квалифицированная рабочая сила. Важно отметить, что это также означает, что мобильные работники получают больше выгоды от глобализации и технологических изменений. Они могут найти лучшую работу в более подходящих местах и существенно улучшить свой уровень жизни.

Следуя своим сравнительным преимуществам, страны с высокой заработной платой специализируются на производстве высококачественных товаров и услуг. Это отражается в функциональной специализации стран и регионов [15]. Городские районы привлекают как высокооплачиваемые рабочие места, так и высококвалифицированных специалистов за счет традиционных производственных центров. Соответственно, как экономическое развитие, так и перспективы социального развития демонстрируют ярко выраженную региональную неоднородность в западных экономиках. Наиболее очевидно, что это имеет последствия далеко за пределами экономической сферы. Социальная и культурная жизнь развивается в регионах, которые получают очевидные преимущества от структурных изменений экономики. И наоборот, уровень жизни снижается в регионах, которые, помимо потери рабочих мест, переживают структурные ухудшения. Таким образом, люди, проигравшие от структурных изменений экономики сталкиваются не только с временными потрясениями, которые ставят их на новые траектории развития. Периферийным регионам сложно компенсировать выбытие рабочих мест и отток высококвалифицированных специалистов, т.е. догнать или угнаться за урбанизированными районами с высокими темпами экономического роста. Точно так же людям с более низкой квалификацией трудно сделать профессиональную карьеру, которая позволила бы им существенно продвигаться вверх по служебной лестнице. Эта потеря перспектив развития является основной причиной того, что люди переходят в лагерь популистов в ответ на глобализацию и технологические изменения [31].

Социальное неравенство, возникающее в результате структурной перестройки, обусловленной макроэкономическими изменениями, увеличивает избирательный потенциал популистских партий. Важно отметить, что не

только избиратели, непосредственно пострадавшие от неблагоприятных экономических потрясений, отказываются от поддержки некогда авторитетных партий. В более общем плане граждане, проживающие в регионах, которые переживают экономический упадок, с большей вероятностью будут поддерживать популистские партии и кандидатов, даже если их собственная работа не поддается автоматизации или «офшорингу» [12, 14]. Многие сообщества, которые теряют перспективы развития из-за структурных изменений экономики, обвиняют в этом глобализацию, ведущие политические партии и политиков и ищут защиты в других местах. Это не объясняет, почему избиратели склонны поддерживать популистские партии. В принципе, любая партия, предложившая защиту от рецессии, неблагоприятных последствий глобализации и технологических изменений, могла бы стать электоральной альтернативой для избирателей в регионах, отстающих в экономическом развитии.

«Популистская реакция» граждан на международную экономическую интеграцию слабее в странах с сильным государством всеобщего благосостояния. В широко цитируемом исследовании Колантоне и Станиг [10] приводятся доказательства того, что растущая конкуренция с импортом из Китая увеличивает поддержку популистских партий в регионах Европы со структурным упадком экономики. Глитч [21] использует те же данные и методологию для декомпозиции исходного эффекта, что и Колантоне и Станига [10] в соответствии с показателями расходов государства всеобщего благосостояния. Корреляция между конкуренцией импорта и популистской поддержкой сосредоточена в странах со сравнительно слабыми институтами государства всеобщего благосостояния. Исключение — это сильные государства всеобщего благосостояния, которые сокращают социальные пособия. Эти результаты хорошо согласуются с выводом Фетцера о том, что сокращение социальных пособий в Великобритании значительно увеличило поддержку выхода из Европейского союза на референдуме в 2016 году [18]. Политика социального обеспечения помогает снизить склонность избирателей обращаться за поддержкой к популистским партиям и кандидатам в ответ на экономические вызовы и снижение уровня жизни. Мер одной политики социального обеспечения недостаточно для противодействия популизму. Популистские партии и кандидаты получили поддержку почти во всех европейских государствах, даже в странах с сильным государством всеобщего благосостояния. Однако институты государства всеобщего благосостояния смягчают политические последствия неравенства, вызванного макроэкономическими изменениями. Этот сдерживающий эффект является результатом не только прямой выплаты социальных трансфертов, но и страхового эффекта, который может уменьшить опасения граждан по поводу снижения уровня жизни. Политика социального обеспечения не может компенсировать утрату перспектив развития, с которой столкнулись отдельные граждане

и социум, затронутый структурными изменениями экономики [20]. Чтобы существенно снизить избирательный потенциал популистских партий, недостаточно просто компенсировать проигравшим от структурных изменений социальным группам потери их доходов или застраховать их от таких потерь в будущем. Потеря перспектив развития влечет за собой нематериальные потери, которые нелегко компенсировать трансфертными платежами из бюджетов. Чтобы искоренить популистскую поддержку, экономическая политика должна выйти далеко за рамки простого перераспределения, чтобы предоставить людям и регионам, оставшимся в стороне от структурных изменений экономики, новые перспективы развития.

В своей региональной политике ЕС придерживается цели «конвергенции», то есть идеала, согласно которому в долгосрочной перспективе разница в условиях жизни между богатыми и бедными регионами должна сокращаться. Учитывая растущие структурные различия между городскими агломерациями и периферийными регионами, ЕС, а также многие национальные правительства принимают во внимание идеи теории эндогенного роста, которые допускают различные траектории регионального развития в зависимости от сильных и слабых сторон экономической модели развития страны или региона. Политические подходы, направленные на «умную» специализацию регионов, кажутся многообещающими, когда речь идет о постановке выполнимых целей развития для отстающих позади регионов [11].

Вместо субсидирования создания рабочих мест, «умная» специализация учитывает сравнительные преимущества и недостатки регионов. Переход от региональной политики, ориентированной на конвергенцию, к «умной» специализации предполагает переход от простого «компенсирования» регионами потерь производства и населения к активно развивающимся траекториям, которые могут повысить конкурентоспособность региона и благосостояние его граждан, даже если динамика его экономического роста более медленная.

Разработка и реализация стратегий «умной» специализации экономики региона требует партнерских отношений бизнеса с местными администрациями. Однако администрациям на периферии может не хватать компетенций для качественного регионального планирования на долгосрочную перспективу. Для формирования системы регионального планирования правительства могут предоставить комплекс ресурсов, которые могут быть использованы местными администрациями. При необходимости, проектный офис регионального планирования мог бы помочь местным администрациям в разработке стратегий развития и планировании конкретных проектов. Это могло бы помочь экономическому развитию периферийных регионов и предоставить возможность улучшения социальной сферы. Создание перспектив развития для деградирующих регионов во многом помогло бы уменьшить недовольство экономическими изменениями

и политикой, которая им способствует, и снизить электоральную поддержку популистских партий.

Антииммиграционная позиция популистских партий ЕС успешна не только из-за «заметности» мигрантов, но и в основном по другим причинам. Более важную роль могут играть предпочтения культурной однородности, а также ксенофобия и даже расизм. Таким образом, иммиграционная и интеграционная политика, безусловно, важнее для преодоления «популистской реакции» на иммиграцию, чем только экономическая политика. Однако политику, уменьшающую восприятие дистрибутивного конфликта, было бы легко реализовать, и в первую очередь она могла бы предотвратить развитие у людей антииммиграционных настроений. В более общем плане экономическая политика, смягчающая конфликт экономического распределения, возникающий из-за неравенства, вызванного глобализацией и технологическими изменениями, за счет достаточной поддержки тех, кто оказался в неблагоприятном положении, независимо от их происхождения, снизил бы антииммиграционную риторику популистов. Если дефицит общественных благ уменьшается, то возникает чувство справедливости распределения выгод, которые получают люди.

Различия между Востоком и Западом ФРГ являются ярким примером взаимосвязи между экономическими и культурными факторами, между реальными событиями и их восприятием, когда дело доходит до объяснения популистской поддержки. Даже через 30 лет после воссоединения восточная часть страны по-прежнему отстает в экономическом отношении, хотя за последние десятилетия произошло значительное сближение экономик земель страны. Интересно, что популистская поддержка на Западе ФРГ более чувствительна к современным экономическим потрясениям, чем популистская поддержка на Востоке [14]. Это означает, что политический опыт, полученный после воссоединения на Востоке, то есть приватизация государственных предприятий, закрытие фирм и массовая безработица, оказал долгосрочное влияние на поведение избирателей в Восточной Германии [26].

Экономические последствия воссоединения и структурных изменений в Восточной Германии усугубляются избирательной эмиграцией молодых, амбициозных, хорошо образованных людей. Помимо прямых экономических последствий, это способствовало возникновению у многих людей, живущих в Восточной Германии, чувства отверженности. Это чувство может быть особенно сильным, поскольку 40 лет социалистического правления привели к высокому уровню патернализма и сильной зависимости от государства [3]. Более того, во многих восточных общинах наблюдался явный скептицизм по отношению к иммигрантам, который правая партия легко удовлетворяла.

В заключении хочется отметить важность не только политической риторики, которая существует в масс-медиа относительно процесса экономической интеграции в странах Европейского Союза, но и рост процессов социальной

и экономической дифференциации стран регионов ЕС. Рост социального и экономического неравенства в странах ЕС активно используется партиями всего политического спектра — как правыми, так и левыми. В дискурсе масс-медиа широко используются факторы иммиграционной риторики, угроз цифровизации для рынка труда и проч., активно распространяемые популистами в целях манипулирования общественным мнением.

Литература

1. *Abou-Chadi T., Krause W.* The Causal Effect of Radical Right Success on Mainstream Parties' Policy Positions // A Regression Discontinuity Approach, *British Journal of Political Science*. 2020. №50 (3). P. 829–847.
2. *Ahlquist J., Copelovitch M., Walter S.* The Political Consequences of External Economic Shocks: Evidence from Poland // *American Journal of Political Science*. 2020. № 64 (4). P. 904–920.
3. *Alesina A., Fuchs-Schundeln N.* Goodbye Lenin (or Not?). The Effect of Communism on People // *American Economic Review*, 2007. № 97(4). P.1507–1528.
4. *Amiti M., Redding S., Weinstein D.* The Impact of the 2018 Tariffs on Prices and Welfare // *Journal of Economic Perspectives*. 2019. № 33 (4). P. 187–210.
5. *Anelli M., Colantone I., Stanig P.* We Were the Robots: Automation and Voting Behavior in Western Europe, IZA DP 12485. 2019
6. *Barone G. and Kreuter H.* Low-Wage Import Competition and Populist Backlash. The Case of Italy. 2019. FiFo Discussion Paper 19-05.
7. *Bartik T.* Using Place-Based Jobs Policies to Help Distressed Communities // *Journal of Economic Perspectives*, 2020. № 34 (3). P. 99–127.
8. *Bloom N., Bunn P., Chen S., Mizen P., Smietanka P., Thwaites G.* The Impact of Brexit on UK Firms. 2019. NBER Working Paper 26218.
9. *Buisseret P., Van Weelden R.* Crashing the Party? Elites, Outsiders, and Elections // *American Journal of Political Science*. 2020. № 64 (2). P. 356–370.
10. *Colantone I., Stanig P.* The Trade Origins of Economic Nationalism: Import Competition and Voting Behavior in Western Europe // *American Journal of Political Science*. 2018. № 62 (4). P. 936–953.
11. *Di Cataldo M., Monastiriotis V., Rodriguez-Pose A.* How “Smart” are Smart Specialization Strategies // *Journal of Common Market Studies*, forthcoming. 2021.
12. *Dijkstra L., Poelman H., Rodriguez-Pose A.* The Geography of EU Discontent // *Regional Studies*. 2020. № 54 (6). P. 737–53.
13. *Dinas E., Matakos K., Xefteris D., Hangartner D.* Waking Up the Golden Dawn: Does Exposure to the Refugee Crisis Increase Support for Extreme-Right Parties? // *Political Analysis*. 2019. № 27 (2). P. 244–254.
14. *Dippel, C., Gold, R., S. Heblich* Globalization and Its (Dis-)Content: Trade Shocks and Voting Behavior, 2015. NBER WP 21812.
15. *Duranton G., Puga D.* From Sectoral to Functional Urban Specialization // *Journal of Urban Economics*, 2005. № 57 (2). P. 343–370.
16. *Dustmann C., Eichengreen B., Otten S., Sapir A., Tabellini, G., Zoega G.* Europe's Trust Deficit: Causes and Remedies. London: CEPR Press. 2017.
17. *Dustmann C., Schunberg U., Stuhler J.* The Impact of Immigration. Why do Studies Reach Such Different Results? // *Journal of Economic Perspectives*. 2016. №30 (4). P. 31–56.
18. *Fetzer T., Sen S.P.* Souza Housing Insecurity, Homelessness and Populism: Evidence from the UK. CEPR Discussion Paper №. DP14184. 2020.

19. Frey C.B., Berger T.C. Chen Political Machinery: Did Robots Swing the 2016 US Presidential Election? // *Oxford Review of Economic Policy*. 2018. № 34 (3). P. 418–442.
20. Funke M., Schularick M., Trebesch C. Populist Leaders and the Economy. Kiel Working Paper 2169. 2020.
21. Glitsch J. Globalization, Populism, and the Welfare State. Compensating the Left-Behind. Mimeo. 2021. P. 320.
22. Gold Robert. From a better understanding of the drivers of populism to a new political agenda // Working Papers. Forum for a new economy. Berlin, Germany. 2022. № 4. P. 31.
23. Guiso L., Herrera H., Morelli M. Sonno Economic Insecurity and the Demand of Populism in Europe, mimeo. 2020. P. 14
24. Guriev S., Papaioannou. The Political Economy of Populism // *Journal of Economic Literature*. 2021. P. 23
25. Gyöngyösi G., Verner E. Financial Crisis, Creditor-Debtor Conflict, and Populism // *Journal of Finance*. 2021. № 4. P. 171
26. Kellermann K.L. (2021). Trust We Lost: The Treuhand Experience and Political Behavior in the Former German Democratic Republic // *CIW Discussion Paper*. 2021. № 3. P. 110.
27. Malgouyres C. The Impact of Exposure to Low-Wage Country Competition on Votes for the Far-Right: Evidence from French Presidential Elections, RSCAS WP. 201. № 21.
28. Mudde C. The Populist Zeitgeist // *Government and Opposition*. 2002. № 39 (4). P. 541–563.
29. Mudde C. Populist radical right parties in Europe // Cambridge: Cambridge University Press. 2002. P. 450.
30. Pastor L., Veronesi P. Inequality Aversion, Populism, and the Backlash to Globalization // *Journal of Finance*. 2021. № 76 (6). P. 2857–2906.
31. Rodriguez-Pose A. The Revenge of the Places That Don't Matter (and What to Do About It) // *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*. 2018. № 11(1). P. 189–209.
32. Rodrik D. Why Does Globalization Fuel Populism? Economics, Culture, and the Rise of Right-Wing Populism, NBER Working Paper w27526. 2020.
33. Voth H. J., Doerr S., Gissler S., J. L. Luis Peydry. From Finance to Fascism: The Real Effect of Germany's 1931 Banking Crisis. CEPR DP12806. 2021.

Yulia Bolshakova (e-mail: academy.prof.com@gmail.com)

Ph.D. in Political Sciences,

Professor of the Russian Academy of Natural Sciences, expert of the Laboratory for the Development of Higher Education of the Russian Academy of Education (Russian Academy of Education) (Moscow, Russia)

Sergei Bolshakov (e-mail: snbolshakov@mail.ru)

Grand Ph.D. in Political Sciences, Professor,

Leningrad State University named after A.S. Pushkin (St. Petersburg, Russia)

PROBLEMS AND PROCESSES OF MODERN ECONOMIC INTEGRATION

The article reveals the problems and analyzes the interaction and mutual influence of political populism and economic integration nowadays; the growing success of popu-

lism and its influence on the media is emphasized. It is noted that in European countries, during the election campaigns, political parties of the right spectrum are increasingly using calls for the isolation and disintegration of a single European socio-economic space. The conclusion is made about the influence of factors of digitalization of economic sectors on the restructuring of the economy and on the labor market.

Keywords: economics, populism, economic integration, globalization, political mobilization.

DOI: 10.31857/S020736760024667-2